

УДК 81'22

Михалькова Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadezhda Mikhalkova

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Chair of Theory
and Practice of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nadezhdakr@yandex.ru

ДЕТЕРМИНАТИВЫ КИТАЙСКИХ, ЕГИПЕТСКИХ И ЛУВИЙСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ

DETERMINATIVES OF THE CHINESE, EGYPTIAN AND LUWIAN CHARACTERS SYSTEM

В статье анализируются структурно-семантические свойства детерминативов иероглифических знаков китайской, египетской и лувийской языковых систем. Устанавливаются

количественные характеристики наполнения иероглифической письменности смысловыми компонентами – детерминативами; определяются семантические характеристики конститuentов подсистемы таксограмм трех иероглифических областей; выявляются общие и специфические черты относительно выделенных групп знаков в разных языках.

The structural and semantic properties of the determinants of the hieroglyphic signs of the Chinese, Egyptian and Luwian language systems are analyzed in the article. Quantitative characteristics of determinatives of three different languages are established; Semantic characteristics of the constituents of the taxogrammes of three character areas are determined; reveals common and specific features in relation to the distinguished groups of characters in the Chinese, Egyptian and Luwian language systems.

К л ю ч е в ы е с л о в а : иероглиф; семантика; китайский язык; египетский язык; лувийский язык; структура; сопоставление.

Key words: character; semantics; the Chinese language; the Egyptian language; the Luwian language; structure; comparability.

Письмо каждого литературного языка формирует особую автономную систему [1, с. 218]. При этом огромному богатству акустических средств устной нормы противостоит ограниченное число оптических средств, которыми обладает письменная норма. Эти наблюдения никоим образом не позволяют заключить, что письменный язык представляет менее совершенную структуру. Эта структура иная [2, с. 529–530], со значительной степенью самостоятельности и, как следствие, собственной особой проблематикой.

Несмотря на то, что соединение разнородных по своей природе понятий и звуков, даже если отвлечься от материального звучания последних, по самой своей сущности требует посредничества чего-то третьего, в котором они могли бы слиться воедино, этот «посредник» всегда обладает чувственной природой. Так в слове *разум* (*vernunft*) заключено понятие *nermen* (*брать*), *рассудок* (*restand*) – *стоять* (*stehen*) [3, с. 127]. Предметы, производящие сходные впечатления, получают слова с преобладающими сходными звуками, например, *wehen*, *wind*, *wolke*, где *w* – что-то зыбкое, беспокойное или неловкое [4]. Следовательно, понятие формы открывает исследователю путь к постижению «тайн» языка и его носителей [3, с. 73], в письменности отражается объективная семасиология языка [1, с. 221], звук служит представителем предмета, а понятие является выражением нашего взгляда на предмет [3]. Следует подчеркнуть, что графический образ и значение находятся в самых тесных взаимоотношениях друг с другом [5, с. 450]. Это становится особенно очевидным при анализе языковых систем с идеографическим типом письма.

История становления письменности показывает, что формирование, например, греческого алфавита происходило из египетских иероглифических знаков путем разделения идеограмм на детерминативы (смысловые указатели) и фонетические знаки. Несмотря на то, что процесс разграничения детерминативов и фонетических элементов, а впоследствии и полное преобладание

фонетических знаков в большинстве языков мира не затронул отдельные языковые системы, сам принцип исходного построения письменности оказывается в значительной степени общим и, как следствие, детерминирован вероятно сходными для человека представлениями о модели мира.

Поскольку тенденция к вытеснению произносимого слова письменным оказывается сильнее в идеографических системах, одна из причин которой – вневременные качества иероглифического письма благодаря независимости иероглифов от действительного произношения, они становятся многовековыми «свидетелями» путей и способов отражения знания об окружающей человека действительности [6, с. 7]. Вместе с тем возникает немало вопросов относительно специфики оснований этой репрезентации.

Принимая во внимание длительную историю развития иероглифической письменности и многочисленные попытки ее реформирования и модификации [7; 8], в качестве критерия для сопоставления в данной работе были выбраны базовые знаки – смысловые указатели (детерминативы) трех иероглифических систем – китайской [9], лувийской (хеттской) [10] и египетской [11] одного временного периода – 14–7 вв. до н.э.

Анализ детерминативов¹ иероглифических подсистем китайского, лувийского (анатолийского) и египетского языков выявил схожие когнитивные основания выбора смысловых определителей знаков. Логическая необходимость классификации понятий путем определения индивидуальных характеристик через родовое, их объединяющее, приводит к фиксации тремя иероглифическими системами в качестве семаграмм, прежде всего, номинаций родовых категорий: человек, животное, материал, явление природы, процесс, объект неживой природы.

Каждая иероглифическая подсистема в то же время характеризуется разным набором таксограмм, репрезентирующих общие семантические области обозначений. В частности, наиболее разветвленной является подсистема² детерминативов лувийской иероглифики (79 единиц / $\approx$ 500 известных и 432 расшифрованных знаков) [10], менее представлена базовыми смысловыми определителями китайская иероглифическая система (154 единицы / $\approx$ 5000 известных и 2430 расшифрованных знаков) [9], минимальное число конституентов среди сопоставляемых подсистем содержит египетская иероглифика (24 единицы / $\approx$ 6000 известных и 1071 расшифрованный знак) [11].

¹ Термины *детерминатив*, *семаграмма* и *таксограмма* используются в работе в качестве синонимов.

² Результаты подсчетов доли детерминативов в иероглифических системах производился как относительно известных, так и расшифрованных знаков. Доля смысловых определителей китайской, лувийской и египетской иероглифики составила соответственно 3,08 %, 15,8 %, 0,40 % (от общего числа единиц), 6,34 %, 18,29 %, 2,24 % (от расшифрованного числа единиц).

Следует отметить, что большие расхождения в количественных данных относительно доли детерминативов, с одной стороны, свидетельствуют об отсутствии семантемы ввиду ее нерелевантности, с другой стороны, могут быть обусловлены разной семантикой одних и тех же знаков. Так, лувийский детерминатив «женщина» включает также понятие «мать», в китайской иероглифике выделяются отдельные графемы.

Границы категоризации окружающей человека действительности, как свидетельствует анализ наполнения семантических областей выделенными детерминативами, расширены относительно семаграмм – номинаций процессов, частей тела, растений, материалов и животных в китайском языке. Наибольшее наполнение в лувийской иероглифической системе имеют области обозначений частей тела, лиц, абстрактных сущностей и животных, в египетской иероглифике – природных явлений и животных.

Менее представлены детерминативами такие области номинации, как наименования лиц, временных отрезков, пространственных ориентиров, одежды – в китайской иероглифической системе; частей тела, строений, абстрактных сущностей, временных промежутков и материалов – в египетской иероглифике; вместилищ – в лувийской иероглифике.

Анализ наполнения каждой подсистемы детерминативов, с одной стороны, показывает общую тенденцию носителей разных языков к обозначению, прежде всего, наиболее значимых областей представлений об окружающем мире. Так, например, во всех трех исследуемых иероглифических системах представлены детерминативы – номинации человека, ребенка, женщины, земли, солнца, горы, воды, воздуха, строения (дома), государя (правителя), дороги и птицы.

В то же время одни и те же семантические области репрезентированы разными детерминативами. В китайском языке семантическая группа «Наименования процессов» представлена значительной долей единиц, описывающих разные виды движений (*медленно идти, идти, продвигаться, стоять, ходить, бежать, быстро идти, летать, входить*), в египетской иероглифике указанная группа содержит обозначения действий абстрактного типа (*лечить, жертвовать*), лувийская иероглифика включает номинации коммуникативного характера (*говорить, слышать*), а также наименований действий по передаче чего-либо (*давать*) и движений (*садиться*).

Различия выявлены также в области номинаций лиц. В китайской иероглифике детерминативами определяются такие семантемы, как *мать, отец, сын*, в лувийской – *предок, потомок, сотрудники и сотрудник* (и множество, и единичность – обе номинации), *Бог, герой*, в египетской – *старик, враг*.

Семантическая область «Части тела» представлена как общими для трех иероглифических систем детерминативами, так и специфическими единицами. Например, в лувийской иероглифике в качестве таксограммы функционируют

такие обозначения частей тела, как *лоб* и *голова*, а для обозначения ступни выделены две графемы. Египетская иероглифика включает только два детерминатива (*ухо* и *глаз*). Наиболее широка данная область в китайской иероглифической системе (11 единиц).

Египетская иероглифическая система включает такие специфические детерминативы, как *ликовать*, *жертвовать*, *обработка земли*, *орошать*, *песок*, *старик*, *враг*, *ночь*, *скот*.

К особенностям наполнения семантических областей лувийской системы детерминативов могут быть отнесены такие таксограммы, как *гром* (ср. кит. *дождь*), *долото* (ср. кит. *топор*), *все* (ср. кит. *вместе*), *отрицание* (ср. кит. *отсутствие чего-либо*), *первый* (ср. кит. *главный*), *гнев* (ср. кит. *злой*). Не выделены в египетской и китайской иероглифике лувийские семантемы *запад*, *восток*, *над*, *перед*, *после*, *заяц*, *трон*, *ваза*, *год*, *хороший*, *великий*, *плохой*. В то же время анализ графики лувийской системы детерминативов выявил определенное сходство с китайской иероглификой в области мотивировочных признаков при номинации понятий. Так, например, процессы *давать*, *класть*, *предлагать* графически передаются посредством изображения инструмента, производящего данное действие: все три детерминатива графически представляют собой рисунок руки (таблица).

Детерминативы *давать*, *класть*, *предлагать* лувийской иероглифики

Рус.	давать	класть	предлагать
Лув.			

Специфика исследуемых иероглифических систем наблюдается в области комбинаторики. Так, например, лувийский иероглифический знак «дворец» состоит из компонентов «большой+дом» [10, с. 49]. Китайский иероглиф 宮 образовался путем объединения трех графем: «крыша+две комнаты» или «крыша+окно+дверь».

В то же время общими являются принципы символического изображения. Установленные еще Ж. Ф. Шампольоном типы символизма в египетской иероглифике также характерны и для лувийской, китайской систем: путем синекдохи – изображение части вместо целого [12], например, егип. «две руки со щитом» = «боец», лув. «голова» = «корова»; путем метафоры (ср. егип. жадность, алчность изображается с помощью понятия «крокодил», кит. жадность, алчность связывается с понятием «ракушка; деньги») [12; 13; 14; 15].

Таким образом, анализ китайской, египетской и лувийской иероглифических систем показал значительную долю общезыковых свойств идеографи-

ческой письменности, детерминируемых общностью оснований когнитивного и экстралингвистического характера. Выявленные специфические черты анализируемых графических форм, их комбинаторики и включения в определенные семантические области свидетельствуют об особенностях национально-культурологической репрезентации представлений носителями разных языков, что отражает как звуковая, так и письменная форма знаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртене. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 2 т.
2. Вахек, Й. К проблеме письменного языка / Й. Вахек // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / под ред. Н. А. Кондрашова. – М., 1967. – С. 524–533.
3. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 400с.
4. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 624 с.
5. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Иностр. лит., 1960. – 500 с.
6. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
7. Алексеев, В. М. Китайская письменность и ее латинизация / В. М. Алексеев. – Л. : АН СССР, 1932. – 178 с.
8. Сердюченко, Г. П. Китайская письменность и ее реформа / Г. П. Сердюченко. – М. : Вост. лит., 1959. – 55 с.
9. Сюй, Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков / Шэнь Сюй. – Юйлу : Изд-во Юйлу, 2006. – 540 с. = 许, 慎。说文解字 / 慎许。 – 岳麓 : 岳麓书社, 2006. – 540页。
10. Дунаевская, И. М. Язык хеттских иероглифов / И. М. Дунаевская. – М. : Наука, 1969. – 115 с.
11. Gardiner, A. H. Egyptian Grammar. Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs / A. H. Gardiner. – 3rd ed., rev. – Oxford : Griffith Inst., 1957. – 139 p.
12. Лившиц, И. Г. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном / И. Г. Лившиц // О египетском иероглифическом алфавите / Ж.-Ф. Шампольон ; пер., ред. и коммент. И. Г. Лившица. – М., 1950. – С. 98–241.
13. Karlgren, B. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese / B. Karlgren. – Taipei : SMC Publ. Inc, 2002. – 436 p.
14. Griffith, F. L. The Decipherment of the Hieroglyphs / F. L. Griffith // The Journal of Egyptian Archaeology. – 1951. – Vol. 37. – P. 38–46.
15. Adkins, L. The Keys of Egypt: The Obsession to Decipher Egyptian Hieroglyphs / L. Adkins, R. Adkins. – New York : HarperCollins, 2000. – 352 p.